

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К 36

Liz Kessler
THE TAIL OF EMILY WINDSNAP
EMILY WINDSNAP AND THE MONSTER FROM THE DEEP
EMILY WINDSNAP AND THE CASTLE IN THE MIST
EMILY WINDSNAP AND THE SIREN'S SECRET

First published in the English language by Orion Children's
Books, part of Hachette Children's Group.

Кесслер, Лиз.

К36 Необыкновенная история про Эмили и её хвост / Лиз Кесслер; [пер. с англ. С. Резник]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 640 с. — (Приключения Эмили Ветрохват).

ISBN 978-5-17-114603-0

Если в твоей школе начинаются уроки плавания, будь осторожна — вдруг твои ноги превратятся в хвост, как это случилось с семиклассницей Эмили. Узнав о том, что она наполовину русалка, девочка отправляется в путешествие по таинственному подводному миру, чтобы познакомиться с морским народом и найти своего отца, которого она никогда не встречала. Эмили ждут невероятные и опасные приключения: ей предстоит разгадать тайну своего рождения, спасти всех русалок и тритонов от разбуженного морского чудовища, помочь морскому царю Нептуну вернуть давно потерянную любовь, снять с себя проклятие и исполнить самую важную миссию — помирить людей с обитателями океана.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7 Coe)-44

ISBN 978-5-17-114603-0

Text copyright © Liz Kessler, 2003, 2004, 2006, 2009
Illustrations copyright © Lisa Horton 2018
© С. Резник, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

**Необыкновенная
история
про Эмили
и её хвост**

Для Фрэнки, Люси, Эмили и отца

*Милые дети, давайте уйдем
В подводную голубизну!
Там мои братья, в заливе наш дом,
Там бури на берег гонят волну,
Там вольно отливы текут в глубину,
Там белые кони летят табуном,
Их яростный бег не удержишь кнутом.
Дети мои, давайте уйдем
За оком, за оком!*

Мэтью Арнольд, «Покинутый Тритон»

ГЛАВА 1

Вы умеете хранить секреты? Конечно, секреты есть у всех, но мой — особенный. Он удивительный и странный. Иногда мне снятся страшные сны, будто мой секрет раскрыт и меня посадили в зоопарк или сдали в исследовательскую лабораторию.

Все началось, когда я перешла в седьмой класс и у нас ввели уроки плавания. Они должны были проходить по средам, я с нетерпением ждала первого занятия. Моя мама терпеть не может плавать, и, когда я спрашивала, почему бы мне все-таки не научиться, она быстро переводила разговор на другую тему.

— Мы ведь живем на лодке! — удивлялась я. — Вокруг нас — вода!

— Ну нет, меня в воду не заманишь, — отвечала мама. — Посмотри, сколько в ней мусора после того, как моторки мотались туда-сюда целый день. Хватит болтать, лучше помоги мне порезать овощи.

Не разрешила она мне и посещать уроки плавания в начальной школе. Заявила, что это может быть заразно.

— Фу, всей толпой плескаться в одном бассейне! — Маму даже передернуло. — Благодарю покорно, мы с тобой как-нибудь обойдемся.

На этом все и кончилось.

Уломать ее удалось только этим летом, когда я перешла в среднюю школу.

— Ну хорошо, хорошо, — со вздохом согласилась мама. — Сдаюсь. Главное — меня не пытайся за собой тащить.

Тогда я еще ни разу не плавала в море, даже в ванне не купалась. Только не подумайте, что я какая-то там грязнула: мы каждый вечер принимаем душ. Просто на лодке нет места для настоящей ванны, поэтому я ни разу не погружалась в воду целиком. Пока не наступила та среда в седьмом классе.

Мама купила мне специальную сумку для купальника и полотенца. С одного боку там была нарисована женщина, плывущая кролем. Я смотрела на картинку и воображала, как выигрываю Олимпийские игры и на мне точно такой же облегающий купальник и черные очки для плавания.

На деле все получилось не совсем так.

Когда мы пришли в бассейн, мужчина в белых шортах, красной футболке и со свистком на шее отправил девочек в одну раздевалку, а мальчиков — в другую.

Я торопливо переоделась в уголке: не люблю, когда кто-нибудь на меня при этом смотрит. Я очень тощая, с ногами-прутиками, да еще исцарапанными от вечного лазанья на борт «Морского царя». «Морской царь» — это наша лодка. Название немного напыщенное для маленького парусного суденышка с плесневелыми канатами, облупившейся краской и койками шириной со школьный пенал. Ну и ладно. К тому же обычно мы называем лодку просто «Царем».

— Мне нравится твой купальник, — улыбнулась Джулия Кроссенс, складывая вещи в шкафчик.

Купальник у меня был черный, с широкой белой полосой посередине.

— А мне — твоя шапочка, — улыбнулась я в ответ, глядя, как Джулия натягивает розовую купальную шапочку.

Я тоже заправила волосы под свою. Обычно я ношу распущенные, но сегодня мама велела завязать их в хвостик. Волосы у меня пепельно-русые и пока коротковаты, но я их отрачиваю. Сейчас они уже ниже плеч.

С Джулией мы иногда сидим за одной партой. Мы не лучшие подруги. Моей лучшей подругой была Шэрон Маттерсон, но она поступила в католическую школу, а я — в Брайтпортскую среднюю. Джулия — единственная, с кем я здесь могла бы подружиться. Хотя сама она, по-моему, предпочла бы Мэнди Раштон. Они часто зависают вместе на переменах.

Я не обижаюсь. Почти. Просто я еще не освоилась и иногда не могу найти столовую или какой-нибудь класс. Вдвоем искать было бы веселей. Эта Брайтпортская школа раз в десять больше моей начальной! Она похожа на огромный лабиринт, здесь просто МИЛЛИОНЫ мальчишек и девочек, и все, похоже, точно знают, где и что.

— Идешь, Джули? — Между нами влезла Мэнди Раштон, нарочно повернувшись ко мне спиной. Покосившись на меня, она прошептала что-то на ухо Джулии и захихикала. Они вместе вышли, и Джулия даже не посмотрела в мою сторону.

Мэнди живет на пристани, как и я. У ее родителей зал игровых автоматов, а живут они над залом: в квартире на втором этаже. Раньше мы даже немножечко дружили, пока я не проговорила маме, что Мэнди показала мне, как получить дополнительные ходы у «однорукого бандита». Я вовсе не собиралась устраивать Мэнди неприятности, но... В общем, теперь в зале игровых автоматов я — нежеланный гость. Если честно, с тех пор Мэнди со мной не разговаривает.

И вот сейчас мы оказались в одном классе. Как назло. Мало мне новой школы размером с город.

В общем, свои сборы я закончила в одиночестве.

— Итак, 7-й «В», слушайте сюда, — сказал мужчина со свистком, представившийся Бобом. — Все умеют плавать?

— Разумеется, все, — буркнула себе под нос Мэнди. — Что мы, малышня, что ли?

— Вот и славненько. — Боб посмотрел на нее. — Может быть, с тебя и начнем? Покажи нам, что ты умеешь.

Мэнди шагнула к краю бассейна, сунула большой палец в рот и залопотала:

— Ой, посмотрите на меня! Я младенчик, я совсем не умею плавать!

И, не выпуская пальца изо рта, боком плюхнулась в бассейн. Она притворилась, что тонет, хотя на самом деле нормально держалась на воде, плывя по-собачьи. Когда Мэнди добралась до конца дорожки, полкласса уже держалось за животы со смеху.

Чего нельзя было сказать о Бобе. Его лицо побагровело.

— По-твоему, это смешно? Вон из воды! Сейчас же! — заорал он.

Мэнди выбралась из бассейна и с улыбочкой раскланялась.

— Глупая девчонка! — Боб протянул ей полотенце. — Будешь сидеть в стороне и любоваться, как плавают другие.

— За что? — Улыбка сползла с губ Мэнди. — Это нечестно! Что я такого сделала-то?

Но Боб уже повернулся к ней спиной.

— А теперь, класс, начнем все сначала. Кто умеет хорошо плавать и при этом не собирается баловаться в воде?

Три четверти класса подняли руки. Мне отчаянно хотелось в бассейн, но руку поднять я не посмела. Только не сейчас.

— Отлично, — кивнул Боб. — Можете поплавать, если хотите, но на глубину не лезьте, — сказав это, он повернулся к остальным, жмущимся у бортика. — А я пока займусь вами.

Но едва он отвернулся, я не выдержала. Шмыгнула к тем, кто обходил бассейн, направляясь к «лягушатнику»! Это было безрассудством, ведь я еще ни разу в жизни не плавала — но откуда-то точно знала, что смогу. К тому же вода выглядела такой притягательной, прозрачной и спокойной: она словно затаилась, ожидая, когда кто-нибудь прыгнет в нее и оживит брызгами и волнами.

Вниз, под воду, уходило пять крутых ступеней. Я встала на первую. Теплая вода лизнула мне пальцы ног. Спустилась на вторую. Вода плеснула мне по коленкам. Еще две ступени — и все, я в воде!

Нырнув с головой, я широко развела руки, задержала дыхание и поплыла в глубину. Подводная тишина окружила меня со всех сторон, вода звала, манила мое тело своим упругим спокойствием. Я почувствовала, что обрела новый дом.

— Вот это уже больше похоже на плавание! — закричал Боб, когда я вынырнула на поверхность. — Ты словно родилась в воде! — И он повернулся к моим одноклассникам, уставившимся на меня с разинутыми ртами. — Надеюсь, к концу наших занятий вы тоже так научитесь.

Мэнди бросила на меня испепеляющий взгляд.

Тут-то все и случилось.

Около минуты я скользила по поверхности, будто летучая рыбка. И вдруг ноги будто заклинило. Словно кто-то склеил мои бедра и наложил шину на щиколотки! Стараясь улыбаться, я гребла руками к бортику, но ноги оставались как каменные! Я не чувствовала больше ни коленей, ни ступней, ни пальцев. Да что же это такое?

Секунду спустя, уже почти погрузившись под воду, я завопила. Боб, как был в шортах и футболке, сиганул в бассейн и поплыл ко мне.

— Мои ноги, — просипела я. — Я их не чувствую.

Поддерживая меня под подбородок своей широкой ладонью, Боб поплыл на спине к бортику.

— Не волнуйся, — сказал он, не прекращая работать ногами. — Это просто судорога. С каждым может случиться.

Мы доплыли до высоких ступеней и присели на верхнюю. Стоило вылезти из воды, как странное ощущение меня покинуло.

— Давай-ка посмотрим, что у тебя с ногами. — Боб пересадил меня на бортик. — Можешь поднять левую?

Я подняла.

— А правую?

Легко.

— Больно?

— Ни капельки, — ответила я.

— Да, похоже, просто судорога. Посиди тут немного: передохни, прежде чем снова плавать.

Я кивнула, и Боб вернулся к остальным. Однако я успела почувствовать то, чего он не заметил. И заметила то, чего он не почувствовал. У меня не было никакого объяснения случившемуся, но одно я знала точно: больше в бассейн ни ногой! Даже за миллион фунтов.

Я просидела на бортике довольно долго. Уже весь класс бултыхался; даже Мэнди позволили поплавать. Мне же неприятно было находиться к ним так близко: я боялась, что меня забрызгают и все повторится. По дороге домой я нервничала, опасаясь оступиться и свалиться с причала в море.

Причалы тянулись вдоль всего пирса. Рядом с нашей лодкой пришвартовано еще три судна: роскошный белый катер и две большие яхты. Но на них никто не живет.

Я осторожно ступила на причал. У нас была старая доска, по которой мы перебирались на борт «Царя». Давным-давно, когда я была еще маленькой, мама переносила меня по ней на руках. Но теперь я бегала по сходням сама. Вот только сегодня у меня ничего не получалось.

— Мам! — окликнула я с причала. — Я не могу перебраться!

На верхней палубе показалась мама в атласном халате и с полотенцем на голове.

— Что случилось? Я собираюсь в книжный клуб.

Я ни жива ни мертва стояла на причале. Вокруг колыхалось множество лодок, сливаясь в трепещущую массу мачт и парусов. Я уставилась на «Царя». Его парус был опущен. Мачта покачивалась вместе с лодкой, деревянная палуба блестела от брызг. Когда я перевела взгляд на ряд иллюминаторов вдоль борта, перед глазами у меня замельтешили

темные пятна. Сверху по борту шел тонкий металлический поручень.

— Мне страшно, — призналась я.

Наконец мама, затянув потуже пояс халата, протянула мне худую руку.

— Давай уже, я тебя держу.

Я перешла по доске, и мама крепко обняла меня.

— Глупышка, — сказала она, ероша мне волосы, и ушла собираться в свой книжный клуб.

Моя мама вечно посещает не один, так другой клуб. В прошлом году ходила на пилатес, теперь вот — в книжный клуб. Она работает в букинистическом магазинчике на набережной. Там они и заседают. На самом деле у них здорово. Они открыли даже небольшое кафе, где можно купить густой молочный коктейль с настоящими фруктами и огромные овсяные печеня в шоколаде. Я уверена, что для мамы книжный клуб — это просто повод встретиться с подружками и вдоволь поболтать. Ну и пусть, зато она не висит у меня над душой.

Когда ее нет, за мной присматривает дородная предсказательница Милли, гадающая в порту по руке. Милли классная. Иногда она практикуется на мне в искусстве рейки и шиацу. А однажды даже принесла карты Таро. Предсказала, что я стану круглой отличницей и заслужу всеобщее признание. На следующий же день мне вклеили «кол» за диктант, и пришлось три раза оставаться после уроков, чтобы исправить оценку. В этом вся Милли.

К счастью, сегодня вечером по телевизору очередные серии «Фермы Эммердейл» и «Жителей Ист-Энда», и Милли будет занята. Оно и к лучшему. Мне очень хочется побыть одной, подумать о том, что теперь делать. Пока я знала наверняка две вещи. Во-первых, нужно выяснить, что же со мной произошло в бассейне. Во-вторых, отделаться от уроков плавания раньше, чем это повторится.

Пока я расхаживала туда-сюда по гостиной, до меня доносился мамин голос. «Любишь ли ты меня? Останешься ли со мною?» — распевала она в своей каюте, перекрикивая компакт-диск. Собираясь куда-то, она всегда поет. Я, в общем, не против, главное — чтобы еще и в пляс не пу скалась. Но сегодня я не обращала внимания на то, что делается вокруг.

Для начала я осторожно поинтересовалась, не лучше ли мне бросить уроки плавания, но мама отчего-то пришла в ярость.

— Надеюсь, ты пошутила, — отрезала она тоном, по которому было ясно, что лично она шутить даже не думает. — После всего, что ты тут устроила, и речи быть не может! Ты не сдашься.

Я подошла к газовому камину в углу салона — так мы называем нашу гостиную. Обычно мне неплохо думается во время ходьбы, но сегодня в голове звенела пустота. Потом прошлась вдоль обшарпанного дивана, застеленного широким оранжевым покрывалом. Шаг, второй, туда-обратно, скрип-скрип, думай-думай. Дохлый номер.

— «Лучше сразу признайся, детка, я не могу ждать вечно...» — голос мамы плыл из ее каюты.

Тогда я решила прогуляться до кухни. На лодке она называется камбузом. Там есть раковина, маленький холодильник и даже плита, вечно заставленная пустыми картонными коробками и банками, которым мама пытается найти какое-нибудь новое применение. Камбуз расположен посередине лодки, в него ведут дверь с палубы и несколько деревянных ступенек. Спускаться нужно осторожно, потому что нижняя шатается. Я же обычно прыгаю вниз прямо с верхней.

Через кухню я прошла в коридорчик, ведущий к ванной комнате и нашим каютам.

— Как я выгляжу? — спросила мама, появляясь в противоположном конце.

Она была в новеньких джинсах и белой футболке с надписью Baby на груди. Буквы блестели и переливались. Футболка как футболка, все бы ничего — вот только недавно я купила себе похожую, а на маме она сидела лучше!

— Обалденно, мам! — сказала я, но тут сверху раздался знакомый стук.

Боковая дверца приотворилась, и в проеме показалась голова мистера Бистона.

— Это я, — произнес он, подозрительно осматриваясь.

Мистер Бистон — смотритель маяка. Он все время болтается поблизости. У меня от него мурашки: разговаривая, он как-то странно косится краем глаза. Они у него еще и разноцветные: левый — голубой, а правый — зеленый. Мама говорит, что ему просто тоскливо торчать на своем маяке, зажигать и выключать прожектор, всматриваясь в морские волны и общаясь с людьми только по радио, потому он к нам и таскается. Еще она говорит, что нужно его пожалеть.

— О, мистер Бистон! А я как раз собираюсь в книжный клуб. Жду только Милли, она будет здесь с минуты на минуту. Но я, пожалуй, пройду с вами до букинистического. — И с этими словами мама направилась за палто.

Мистер Бистон по-крабьи вполз в дверь.

— Ну и как мы поживаем? — поинтересовался он, по обыкновению косясь на меня.

Губы у него такие же кривые, как и узел галстука. На рубашке недостает пуговиц, а во рту — зубов. Я поежилась. И зачем только мама оставила меня с ним наедине?

— Спасибо, хорошо.

— Да? Ну, славно, славно. — Смотритель, прищурившись, продолжал коситься на меня.

К счастью, Милли не заставила себя ждать, и мистер Бистон с мамой засобирались на выход.

— Я постараюсь вернуться не поздно, солнышко, — сказала мне мама на прощание и поцеловала в щеку, после

чего стерла большим пальцем след от помады. — В духовке — пастуший пирог¹. Поешьте с Милли.

— Салют, Эмили. — Гадалка, как всегда, пристально взглянула на меня. — Судя по твоей ауре, ты чем-то встревожена, — заметила она, в кои-то веки угадав. Даже странно.

Отбросив за спину черную вязаную накидку, Милли отправилась ставить чайник.

Я помахала маме и мистеру Бистону. Смотритель, дойдя с ней до конца причала, повернул налево и пошел по берегу залива обратно на свой маяк. На набережной уже зажглись фонари — бледно-желтые пятнышки на фоне оранжево-розового закатного неба. Мама свернула направо, к магазинчику.

Я смотрела им вслед, пока они оба не пропали из виду, а затем присоединилась к Милли, уже устроившейся на диване перед телевизором. Сидя с тарелками на коленях, мы жевали и смеялись над диктором, который то и дело запинаясь, рассказывая о погоде. Потом началась «Ферма Эммердейл». Милли посерьезнела, шикнула на меня и устала в экран.

Итак, у меня был свободный час.

Вымыв тарелки, я порылась в ручках и карандашах, стоявших в банке из-под варенья, взяла из шкафа в гостиной листок маминой лиловой бумаги и заперлась в своей каюте. Вот что я написала:

Уважаемая миссис Партингтон!

Прошу вас освободить Эмили от уроков плавания. Мы посетили врача, и он сказал, что у Эмили сильнейшая аллергия на воду. Ей НЕЛЬЗЯ даже приближаться к ней. Совсем. Никогда в жизни.

*С наилучшими пожеланиями,
Мэри Пенелопа Ветрохват.*

¹Пастуший пирог — картофельная запеканка с мясом, традиционное блюдо британской кухни.